

Алекс Стар

18+

КАВКАЗСКИЙ ХОЛОП

ПЕРЕВОСПИТАНИЕ МАЖОРА

Алекс Стар

**Кавказский холоп.
Перевоспитание мажора**

«Автор»

2026

Стар А.

Кавказский холоп. Перевоспитание мажора / А. Стар — «Автор»,
2026

— Сначала берёшь в руки вот этот шланг, — с издёвкой всовывает мне в руки топливораздаточный рукав. — Потом заливаешь мне полный бак, пышка. А потом... Хочешь заработать ещё пару сотен? — многозначительно смотрит на меня. И я вспыхиваю, как спичка. Прямо на бензозаправке. Я потеряла работу из-за мажора-придурка, которого знает вся страна, Давида Багратиони. Но я и подумать не могла, что судьба сведёт нас снова, когда его отец наконец-то возьмётся за перевоспитание своего сыночка...

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	13
5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алекс Стар

Кавказский холоп. Перевоспитание мажора

1

В моей голове только что убили любовника. Прямо на белом песке Мальдив, под шум волн, его пронзают шпагой, а я, рыдая, сжимаю в руках его окровавленный камзол...

— Тридцать литров, я сказал! Ты чё глухой, дебил?!

Меня вышвыривает из сладких грез с такой силой, что я едва не прикусываю язык. Роман с бархатной обложкой, который я вдохновенно перечитываю перед завтрашним прослушиванием, со звонким шлепком шмякается на стол.

За окном заправки — ни души. Только бархат ночи, звезды и этот индюк. Огромный, накачанный, возвышается над нашим щуплым Виталиком, как Кинг-Конг над орешком. Его спорткар — алая пуля, стоящая больше, чем я заработаю за десять жизней, хищно поблескивает фарами.

Виталик, бедный мой Виталик, буквально растворяется в тени этого монстра. Еще секунда — и от парня останется мокрое место.

Как его вообще мама выпустила из дома?

— Вот черт, — выдыхаю я, отодвигая стул.

Я — Арина Булкина. Будущая императрица сцены и экрана. Мое имя ещё прогремит на всю страну. Но сейчас я просто менеджер в тесной юбке-карандаш, тащусь на каблуках в туфлях-лодочках по ночной трассе.

Выхожу из здания заправочной станции. Ночь бьёт в нос терпким запахом разогретого асфальта и полыни. Сверчки. Тишина. И я.

— Доброй ночи. Я менеджер станции, Арина Ивановна. В чём проблема? — интересуюсь ледяным тоном.

Я репетировала этот тон, представляя, что обращаюсь к назойливому фотографу на красной дорожке.

Огромная спина, обтянутая дурацкой футболкой с надписью GUCCI медленно, как башня танка, разворачивается.

Я забываю, как дышать...

Это лицо.

Оно везде. В новостях, в светских хрониках, в моих кошмарах о недостижимых красавчиках. Наглые, дерзкие глаза, цвет которых в темноте кажется расплавленным янтарем. Скулы, точеные, будто их вырубил скульптурный гений. Идеально очерченные губы, сложенные в презрительную усмешку.

Давид Багратиони.

Тот самый мажор, которому папа-олигарх купил пол-Грузии, а он ради развлечения гоняет по ночной Москве на тачках стоимостью с небольшой завод. Тусовщик, наглец и главный герой всех новостных лент. И тот самый тип, из-за которого у меня сейчас предательски дрожат колени.

— Проблема? — его голос, хриплый и низкий, прокатывается по моей коже, оставляя мурашки. Он скользит по мне взглядом, задерживается на вырезе блузки, потом на бедрах. И в этом взгляде — ни грамма уважения. Только прицельная оценка. — Проблема, Ариночка, в том, что твой шланг не работает, когда я хочу заправиться.

С этими словами он с издевательской грацией всовывает мне в руки бензиновый пистолет. Тяжелый и холодный.

— Давай, залей мне полный бак, пышка, — говорит он это так спокойно, будто заказывает кофе. — А потом, — он шагает ближе, перекрывая свет фонарей своей массивной фигурой, и я физически ощущаю жар его тела, — можешь поддержать другой мой шланг. За отдельную плату, разумеется. Две сотни сверху. Идет?

В голове звенит. Шланг?! Он что, это серьезно?! Этот напыщенный индюк только что предложил мне...

Я вспыхиваю. В буквальном смысле. От злости, стыда и дикого, необъяснимого притяжения, от которого сводит скулы. Воздух между нами становится липким и опасным.

— У нас кризис, — выдавливаю я сквозь зубы, приходя в себя. — По талонам. Десять литров на руки. Остальное — по законам физики и постановлению правительства, — это звучит глупо, но я уже включаю режим нестигаемой бизнесвумен.

— Кризис? — смеется он. Смех — низкий, бархатный, наглый и такой волнующий. — У Багратиони нет кризисов. Только аппетит. И он, — он многозначительно опускает глаза на мои руки, сжимающие пистолет, — просыпается, когда рядом такие... вкусные менеджеры.

Он стоит так близко, что я слышу запах его дорогого парфюма, смешанный с запахом бензина и вседозволенности. Горячее дыхание касается моей шеи, и меня пробивает дрожь, не имеющая ничего общего с холодом.

Но внутри, где-то глубоко, злость сворачивается в тугую пружину.

Значит, Давид Багратиони? Весь мир у твоих ног, да? Папины заводы, вино и сухофрукты?

Моя рука скользит в карман форменного жилета. Пальцы нащупывают холодный рифленный корпус электрошокера. На трассе много придурков. А этот — самый наглый, самый красивый и самый опасный.

— Ну, что застыла? — шепчет он, почти касаясь губами моего уха. — Поддержишь шланг? Или трусишь?

Вот это слово — лишнее.

Я медленно поднимаю на него глаза. В голове проносится мысль: «Только попробуй еще раз назвать меня пышкой или предложить поддержать твой дурацкий шланг, и я поджарю твой ядрёный зад так, что ты забудешь, как выглядит твой спорткар, Багратиони».

Я чувствую, как бешено стучит сердце. Он красавец, от которого у любой нормальной девушки случился бы тепловой удар. Но в его взгляде я вижу только самодовольство и жажду собственности.

Он думает, что я куплюсь на его имя. На его тачку. На этот взгляд?

Он просто не знает, с кем связался.

— Значит, шланг, да? — переспрашиваю я, чувствуя, как внутри разгорается опасный азарт. Сейчас это не просто заправка. Это сцена. Моя сцена. И я собираюсь сыграть свою роль так, чтобы этот мажор запомнил ее навсегда.

Пальцы сжимают шокер в кармане. Я улыбаюсь ему самой невинной, самой обворожительной улыбкой, которую когда-либо репетировала перед зеркалом.

И делаю шаг вперед. Навстречу его надменному взгляду и его шлангу...

2

— Десять литров, Давид. И ни капель больше.

Я вскидываю на него взгляд — дерзкий, вызывающий, но внутри у меня всё дрожит, как струна перед разрывом. В его янтарных глазах вспыхивает что-то опасное. Что-то дикое.

А в следующую секунду его рука перехватывает меня за талию, и мир переворачивается с ног на голову.

Мощная, стальная хватка притягивает меня к нему так резко, что я впечатываюсь грудью в его каменный пресс.

Он горячий.

Слишком горячий. Сквозь тонкую ткань блузки я чувствую, как под ней перекачиваются мышцы — живые, напряженные, готовые к атаке.

— Я же сказал — полный бак, — шепчет он мне прямо в губы.

Я теряюсь. Забываю, как дышать. Сценарий, прослушивание, моя великая актерская карьера — всё лопается, как мыльный пузырь, под напором его дыхания. В этом голосе — сталь и бархат, приказ и обещание.

— Вперёд, детка. Вставляй шланг в бак, — ухмыляется он, и его губы нависают надо мной так близко, что я вижу каждую линию, каждый изгиб.

Соблазнительные, властные, невыносимо красивые.

Его тело — это крепость. Он весь — сила, опасность и темная, завораживающая мощь. От Давида Багратиони разит роскошью, властью и абсолютной уверенностью в своей безнаказанности. Такие, как он, не слышат слова «нет». Они просто берут. Всё.

И я, черт возьми, понимаю, что готова ему всё отдать. Прямо здесь. Прямо сейчас. Хоть бензин, хоть душу.

Но где-то на периферии сознания всплывают строчки сценария, которые я учила сегодня ночью. Я — Арина Булкина. Я не какая-нибудь дешевка у ночной трассы. Я будущая звезда.

Я пытаюсь отстраниться, выскользнуть из его стальных объятий...

Но он не дает.

Его губы вдруг внезапно без предупреждения накрывают мой рот, и все мои попытки сопротивления разбиваются вдребезги.

Это не поцелуй. Это ядерный взрыв.

Властно, жадно, безжалостно — он врывается в меня, забирает, подчиняет. Его язык переплетается с моим, и я чувствую вкус — горьковатый кофе, мята и что-то невероятно мужское, от чего кружится голова. Вкус непреодолимого и терпкого желания.

Неумолимого, как сама жизнь...

Мои пальцы судорожно сжимают электрошокер в кармане, но я не могу пошевелиться. Я таю. Я горю. Я умираю и воскресаю в каждой секунде этого безумия...

Нас пронзает молнией.

Буквально.

Электрический разряд от шокера, который я в панике нажала, пробегает через меня, через него, замыкает наши тела в одну судорожную, искрящуюся цепь. Я чувствую, как вибрирует его мышцы под моей ладонью, как дергается его челюсть, как на мгновение его хватка становится почти невыносимой. И в этом разряде — не боль, а странный, пьянящий экстаз, словно сама вселенная решила поджарить нас за эту дерзость.

Пять секунд.

Целых пять лет, сжатых в один удар сердца.

Потом его руки ослабевают. Он делает шаг назад. Смотрит на меня совершенно пустым, ничего не понимающим взглядом. Словно я — незнакомка. Словно только что нас не связывал этот сумасшедший, наэлектризованный сексом и страстью поцелуй.

— Эй... Что у тебя с причёской? — он хмурится, окидывая меня взглядом, в котором нет ни капли узнавания. — У вас все на заправке такие мымыры работают? Тридцать литров, я сказал. Живо.

Он отворачивается, как от пустого места, и идет к своей тачке.

Я смотрю на свое отражение в тонированном стекле его авто. Волосы стоят дыбом, лицо пылает свеклой, нос сияет, как новогодняя гирлянда. Я похожа на жертву эксперимента, на посмешище, на... на мымру.

Как он только что правильно подметил.

Он не помнит.

Горячая волна стыда и унижения захлестывает меня с головой. Я не знаю, от чего хочется плакать сильнее — от того, что он меня не помнит, от того, что этот поцелуй был лучшим в моей жизни, или от того, что для него я — просто уродка с ночной трассы, недостойная даже его внимания.

Вдруг на парковку влетает розовая «бэха». Из неё выпрыгивает модель — длинные ноги, тонкая талия, надутые силиконовые губы. Она бросается к Давиду, как к спасательному кругу.

— Давид, любимый! Куда ты пропал?! Что здесь вообще происходит?! — она окидывает заправку взглядом принцессы, которой принесли не тот сорт трюфелей с шампанским.

И меня — тоже. С ног до головы. С явным отвращением.

— Не знаю, — пожимает плечами Давид, глядя на неё так, будто видит впервые. — Бензин закончился, а потом... ничего не помню. Ты вообще кто такая?

Она взвизгивает, хватается за мобильник, кричит про охрану. А я стою, вцепившись в электрошокер, и чувствую, как земля уходит из-под ног.

— Эй, ты! — вдруг оборачивается ко мне Давид, вспоминая о моём существовании. — Почему бак до сих пор пустой? Ты что, умственно отсталая?

Это слово — последняя капля.

Руки трясутся, сердце рвётся на части, но во мне просыпается что-то первобытное, злое, живое.

— Да пошёл ты! — выкрикиваю я в эту густую безумную ночь. — Сам ты умственно отсталый, Багратиони! Виталик, выдай этому гондону десять литров и выруби шланг на хрен!

Я разворачиваюсь, захлопываю за собой дверь кассы, плюхаюсь на стул. Всё тело колотит дрожь, зубы клацают друг о друга.

Я хочу разрыдаться. Истерически, громко, взхлёб. Потому что этот придурок — царь, бог и хам — украл у меня самый невероятный поцелуй, а потом просто стёр меня из памяти, как ненужный файл.

Розовая «бэха» и серебристый спорткар срываются с места и исчезают в бархатной черноте ночи, оставляя после себя запах бензина, дыма и горечи.

Я хватаю сценарий. Пытаюсь читать. Строчки расплываются перед глазами, буквы превращаются в пятна. Я провалю прослушивание. Я всё проваливаю.

А на утро в кабинет заходит Иван Иванович. Добрейший, трусливый, с глазами, которые боятся встретиться с моими.

— Арина... Ты понимаешь, что ты наделала?

— Я ничего не делала! — мой голос срывается на крик. — Я выполняла инструкции! Десять литров — максимум!

— Мне очень жаль, — он вздыхает, не поднимая глаз. — Поступила жалоба. Очень влиятельные люди. Ты уволена.

Мир рушится.

Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Ненависть обжигает, как кислота.

Давид Багратиони. Сволочь. Испорченный, надменный, опасный гад, для которого моя жизнь — пустое место. Работа — всё, что у меня было. На что теперь жить? На что ходить на прослушивания?

Но сквозь ярость, сквозь унижение, сквозь слёзы, которые вот-вот прорвут плотину, я чувствую другое. Там, в глубине, там, где стыдно признаваться даже себе, — жар. Тот самый, от его губ. От его рук. От его дыхания на моей шее.

Я ненавижу его.

Ненавижу до судорог, до скрежета зубов.

Но я никогда, никогда не смогу забыть этот поцелуй.

И я ещё вернусь, Давид Багратиони. Хотя бы для того, чтобы посмотреть в твои наглые глаза и сказать тебе всё, что я о тебе думаю.

А потом...

Я даже думать боюсь, что — «потом». Но внутри, где-то глубоко, разгорается маленький, опасный огонек.

Огонек мести.

3

— Вы не могли бы подойти к Эдуарду Филипповичу? Сегодня, в десять вечера. Он хотел бы с вами переговорить лично, — ассистентка режиссёра касается моего плеча, и я чуть ли не подпрыгиваю на стуле.

Сердце буквально переворачивается у меня в груди от радостного предвкушения и лёгкого страха. Сглатываю застрявший в горле сухой комок, машинально поправляю блузку и машинально приглаживаю волосы — приведённые в порядок после того памятного удара током на двести вольт. В общем, делаю всё возможное, чтобы выглядеть так, будто меня каждый день приглашают в кабинет к мэтрам современного кинематографа.

Внутри всё поёт и звенит, как апрельская капель, или как Бог его знает что ещё.

Я прошла прослушивание. Я сделала это! После той кошмарной ночи на заправке, после увольнения, после того как я репетировала перед зеркалом до хрипоты, пока соседи не начали стучать по батарее, я прошла. Меня наконец-то заметили.

Я это заслужила.

Эдуард Филиппович Цветков — легенда. Не просто режиссёр, а человек, который зажигает звёзды. Если он позвал, значит, роль почти моя. Значит, всё не зря. Значит, эта идиотская ночь с Багратиони и его языком у меня во рту, от воспоминания о котором у меня до сих пор подкашиваются колени, просто дурацкое недоразумение.

Я — Арина Булкина. И сегодня начинается моя новая жизнь.

Вышколенная ассистентка диктует мне адрес офиса, и слова буквально въедаются в мою память.

Улица. Карла. Маркса. Пять. Офис десять.

Я тщательно одеваюсь и крашусь, воображая себя уже героиней современного романа. Хотя, наверняка будет лучше, чтобы я не выглядела уж настолько подготовленной.

Пусть думает, что меня каждый день заваливают подобными приглашениями, и я переодеваюсь из слишком вечернего платья в более летнее и простое. Но всё ещё довольно нарядное.

Доезжаю до нужного адреса на метро: ничего страшного, ещё пару недель, и я буду ездить на авто, предоставленном мне киностудией. Уже предвкушаю это.

Поднимаюсь на последний этаж на лифте, жму кнопку звонка и останавливаюсь на пороге.

Возможно, я ошибаюсь, но офис режиссёра слишком похож на жилую квартиру.

Нерешительно перевожу взгляд с таблички на двери на уютную прихожую с паркетом и картинами в золочёных рамах. Пахнет дорогим табаком и чем-то подгорелым.

Борщом?!

Ну, допустим. Творческие люди — странные. Может, у него офис совмещён с личными апартаментами. Может быть он любит творить, не отходя от своей спальни и кухни со щами.

— Проходи, проходи, Арина, — раздаётся бархатистый баритон из гостиной. — Не стесняйся. Я не люблю официоз. Кабинеты, знаешь... дают на психику. А искусство рождается на свободе. Как дикий мустанг.

И я прохожу.

Эдуард Филиппович восседает в кресле с бокалом виски. Ему под семьдесят, но он бодр, седовлас, элегантен. Улыбается мне широко, чуть прищулив глаза. Смотрит как на сладкое мороженое в рожке.

Я сажусь напротив, расправляю юбку, стараюсь держаться независимо и элегантно. Надеюсь, у меня получается.

— Ты очень талантлива, Арина, — начинает он, наливая себе ещё виски в бокал. — Я сразу это понял. В тебе горит огонь. Пламя. Есть настоящая искренность. То, чего нет у многих современных актрис. Этого очень не хватает современному российскому кинематографу.

— Спасибо, Эдуард Филиппович, — говорю я и чувствую, как щёки начинают предательски гореть. — Я очень счастлива получить эту роль. Для меня это...

— Я знаю, знаю, детка, — перебивает он, подаётся вперёд, кладёт тяжёлую ладонь на моё колено. Сверху. Слегка сжимает. Словно невзначай. — Ты же понимаешь, Ариночка, как всё устроено? Это серьёзная работа. Мы будем много времени проводить вместе. Репетиции, обсуждения, вживание в образ... Мне важно, чтобы между нами было доверие. Полное и непререкаемое.

Я сглатываю. Колено под его ладонью деревенеет, будто на мне протез.

— Эдуард Филиппович, я готова много работать. Я очень ответственная, старательная, я...

— Я вижу, — кивает он, и его рука ползёт чуть выше. Чуть наглее. Медленно, по-свойски. — Ты взрослая девочка. Сообразительная. И красивая, Арина. Такая свежая, живая... Не то что все эти пластиковые куклы.

Внутри меня что-то щёлкает. Как курок.

— Но ты же понимаешь, как получают роли, правда? — он наклоняется ближе, и меня невольно передёргивает от его запаха.

Какого-то прогорклого. Стариковского.

Он воняет подгоревшим борщом!

— Нужно просто быть более гибкой. Пластичной. Открытой для экспериментов. Для режиссёра. Для искусства. И для меня. И как актриса... И как женщина.

Его пальцы добираются до подола моей юбки. Он дёргает край, пытаюсь залезть выше. При этом лицо у него серьёзное, даже вдохновенное, будто он сейчас читает лекцию об эстетике Достоевского.

И тут меня прорывает.

Я не знаю, что это было. То ли воспоминание о ночи с Багратиони и унижение, которое до сих пор сидит занозой, то ли усталость, то ли просто накопившаяся злость, что каждый мужик с положением считает меня проходным двором. И этот с виду интеллигентный и вполне себе знаменитый дедок, который сейчас пытается залезть мне под юбку с самым серьёзным лицом, переполняет чашу.

Я вскакиваю с диванчика как ошпаренная. Я больше не стараюсь сохранить лицо перед этим сморчком.

— Эдуард Филиппович, — громко и отчётливо произношу я, пока внутри меня всё клочет. — Вы, конечно, великий режиссёр, точнее, были им когда-то, лет сорок назад. Но то, что вы мне предлагаете сейчас, больше подходит на подготовку актрис для низкобюджетного шлака для взрослых. И, простите, ваше просроченное мужское либидо меня совершенно не интересует.

Светило кинематографа багровеет, как его протухший борщ. Открывает рот.

— Да что ты себе позволяешь, дрянь... Я... — начинает он, и хотя я уже почти дошла до двери, резко оборачиваюсь.

— Да вы — всего лишь жалкий похотливый старикашка! Который за счёт своего статуса тащит к себе в постель молоденьких актрис. Но если вы не в курсе, сейчас так карьера не строится! — уже благим матом ору я на него, не в силах остановиться.

Мне кажется, Эдика сейчас хватит удар. Он явно не ожидал такого отпора.

Теперь я понимаю, как та самая бездарность Сосновская получила роль в его недавнем фильме «Любовь по требованию». Ну и Воробьёва тоже... Меня аж передёргивает, когда я представляю, как все они кувыркались с этим дряхлым старикашкой.

Эдуар Филиппович вскакивает с места, резко дёргается в мою сторону, пытаюсь схватить, но я ловко отскакиваю вбок, и он падает на пол. На свой персидский плешистый коврик. И я вдруг замечаю, как что-то выпадает у него и катится по полу, пока не замирает у моих ног.

Приглядываюсь — вставная челюсть. Этот престарелый павиан потерял свои зубы. И я вдруг срываюсь на хохот. Ничего не могу с собой поделать.

— Шучка! — слышу я за спиной бессильное шамканье, когда уже собираюсь выйти вон. — Я тебе волчий билет выпишу! Тебя ни одна киношная студия на работу не примет! Даже и не надейся! Даже уборщицей! Ясно, тварь?! Искусство тебе не светит! — несутся мне вслед проклятия, и я вдруг понимаю, что он не врёт.

Я сейчас посмеялась над одним из самых именитых и влиятельных режиссёров, который точно вычеркнет меня из всех списков.

Отчаяние накатывает на меня: но не возвращаться же и не просить у него прощения!

Достаю телефон, открываю объявления и смотрю на строчку «Требуется официантка». Ну что же, многие голливудские звёзды именно так и начинали.

Ничего страшного.

Прорвёмся.

И тут вижу бегущую строку внизу экрана: *«Известный плейбой и наследник грузинского магната Давид Багратиони обвиняется в очень серьёзном правонарушении. Только захочет ли его отец-миллиардер спасти своего сына в очередной раз или всё-таки на это раз...»*

Закрываю телефон. Ну что же, справедливость в мире всё-таки существует: на этот раз он наверняка получит своё. По крайней мере я очень на это надеюсь.

4

— Эй, пышка, принеси ещё кофе! — рывкают мне в спину, пока я лавирую между столиками с подносом, на котором балансируют три чашки и тарелка с омлетом.

Работа в кафе — отдельный круг ада, который я, видимо, чем-то прогневала. Но я держусь. Я — Арина Булкина, будущая звезда, и эта униформа на два размера меньше — просто временное недоразумение. Как и тот факт, что после истории с Цветковым меня действительно перестали звать на пробы. Старый хрыч сдержал слово: волчий билет работает безотказно. Ни один уважающий себя режиссёр даже не смотрит в мою сторону.

Но я знаю: слава — дама капризная, но справедливая. Рано или поздно она придёт. А пока приходится улыбаться идиотам, которые путают официантку с личной прислугой.

— Чё так долго? — бубнит очередной клиент, не отрываясь от ноутбука. Третий час сидит, пьёт один американо и делает вид, что строит мировую империю.

С виду — типичный хипстер с бородкой клинышком и глазами, привыкшими оценивать. Наверняка коуч. Или стартап-менеджер. Сейчас их как собак нерезаных.

Мамкины диванные эксперты по всему на свете.

— Приношу извинения, — сдержанно улыбаюсь, ставя перед ним чашку.

Он поднимает на меня взгляд. Медленный. Липкий. Потом сползает ниже, задерживается на вырезе униформы, и я мысленно закатываю глаза. У меня уже выработался рефлекс: когда мужик так смотрит, жди либо тупого комплимента, либо ещё более тупого предложения.

— А ты, кстати, ничего, — лыбится он, показывая жёлтые от кофе зубы. — Я бы тебе... хорошие чаевые оставил. Если постарайшься.

— Спасибо, у меня хороший твёрдый оклад, — отвечаю я максимально сухо. — Чаевые — по вашему желанию. Без дополнительных условий.

Он хмыкает, откидывается на спинку стула, скрещивает руки на груди. Видимо, решил, что это выглядит внушительно.

— Я за тобой третий день наблюдаю, — заявляет он с таким видом, будто раскрывает тайну века. — Думаешь, просто так?

Я чуть не смеюсь ему в лицо. И этот туда же. Что за эпидемия? Мужики с внезапно проснувшейся уверенностью, что они — центр вселенной, и я должна падать к их ногам за одну только возможность подышать с ними одним воздухом.

— Как интересно, — замечаю я, уже направляясь к следующему столику.

— Я могу устроить тебя на крутой проект! — выпаливает он, словно бросает последний козырь. — Очень крутой.

— Каждый второй посетитель предлагает мне свой «очень крутой» проект, — парирую я. — Обычно он у них в штанишках, и смотреть на него без слёз невозможно.

Он обиженно поджимает губы, но не сдаётся. Разворачивает ноутбук ко мне экраном.

— Ты не веришь? Глянь! Я там айти-структуру настраиваю. Миллиардер строит целый мир для своего сына. Город, эпоху, всё по-настоящему.

Я заглядываю в монитор, и замирая при виде картинки на нём.

Горы. Замок на вершине. Какие-то люди в средневековых костюмах, факелы, серый камень... А на первом плане — это лицо. Высокомерное, дерзкое, с янтарными глазами. То, которое я пыталась забыть уже две недели. Безуспешно.

Давид Багратиони.

— Что это за проект? — я хватаю край ноутбука, нависаю над ним, забыв про кофе, про клиентов, про всё на свете. — «Сомниум», да? Это название фирмы?

Хипстер закрывает крышку слишком быстро. Прячет взгляд. Мямлит что-то про то, что если я... ну... если мы с ним... то он, может быть, замолвит словечко...

Я слушаю его вполуха. Мыслями я уже там. В этом замке. Рядом с этим наглым красавчиком.

— Ладно, — перебиваю я его лепет. — Диктуй сайт.

— Что?

— Адрес сайт, говорю. Где набирают. Или адрес, — и я уже гуглю в телефоне: «*Сомниум Москва актёры*».

Парень мнётся, но всё-таки раскрывает свой секрет полишинеля. Даёт какую-то странную ссылку, заканчивающуюся на .io.

Я улыбнулась ему своей самой очаровательной, самой лживой улыбкой.

— Спасибо. Ты очень помог. А теперь допивай свой кофе и не задерживай столик, у нас очередь.

Дома я гуглю почти до полуночи. Официальная информация нулевая. Только блоги, слухи, домыслы. Пишут про «самую реалистичную киновселенную», про «погружение в другую реальность», про огромные бюджеты. Анонс проекта выглядит как что-то среднее между игровым фильмом и театральным перформансом.

И тут я натываюсь на странный сайт. Чёрный фон. Одна фраза серебряными буквами:

«МЕНЯЕМ РЕАЛЬНОСТЬ. НАБИРАЕМ АКТЁРОВ ДЛЯ НОВОГО МИРА».

Ниже — форма, адрес в Москва-Сити и короткая надпись: «*Запись сегодня, прослушивания с 19:00*».

Я не раздумываю ни секунды. Плевать, что это может быть ловушка. Плевать, что этот «Сомниум» как-то связан с Багратиони. Плевать на волчий билет, на Цветкова, на хипстера с его чаевыми.

Внутри меня вспыхивает то самое странное чувство — азарт, граничащий с безумием. Или надежда.

В Москва-Сити как всегда неуютно и ветрено. Высотки упираются в серое небо, а внутри, в холле, — очередь. Кажется, за сотню девушек и парней, похожих на меня: яркие, голодные, с горящими глазами. Мы все здесь ради одного. Ради шанса.

Я встаю в хвост, прислушиваюсь к гулу голосов. Кто-то перешёптывается, кто-то нервно листает сценарии. Девушка впереди меня кусает губы и тербит край куртки.

— Извините, — трогаю её за плечо. — Вы знаете, что здесь будет? Что за проект?

Она оборачивается.

— Никто не знает точно. Говорят, платят бешеные деньги. И условия... — она запинаясь. — Там кто-то выходит, и они уже не такие, как были. Как будто... — она ищет слово. — Как будто их подменили.

У меня по спине бегут мурашки.

— Актёры говорят, что это похоже на сон, — продолжает она шёпотом. — Настоящий, живой сон. Там словно другой мир. Другая эпоха. Как какие-то путешествия во времени, смотрела фильм «Вспомнить всё»? — с надеждой смотрит она на меня, и я лишь качаю головой.

Всё очень странно. Похоже на очередь в психушку.

Но очень интересно.

Дверь открывается, и меня приглашают.

Я делаю шаг. Сердце стучит так, что, наверное, слышно на всю очередь.

«Меняем реальность», — крутится в голове. — Ну что ж. Моя реальность сейчас — это кафе, униформа на два размера меньше и старый извращенец-режиссёр, перекрывший мне кислород и все ступени актёрской карьерной лестницы.

Мне совершенно нечего терять, но зато определённо есть, что менять.

Я вхожу в комнату.
И свет гаснет.

Загорается один луч. Он бьёт в центр, где стоит пустой стул. Никакой комиссии. Никакого стола. Только тишина, стерильная, давящая, и голос из динамиков — ровный, механический, без интонаций:

— Сядьте, пожалуйста.

Я сажусь. Ладони потеют.

— Скажите, Арина... — голос знает моё имя. Откуда? — Что вы готовы отдать ради роли? Ради того, чтобы стать кем-то другим? Ради того, чтобы навсегда изменить себя?

У меня перехватывает дыхание. Этот вопрос звучит как приговор.

— Всё, — невольно вырывается у меня.

— Хорошо, — отвечает голос. — Мы вам верим.

Вспышка. Ослепительная, белая, заполняющая всё пространство.

Вот и всё.

Всё собеседование.

5

Всё происходит как в лихорадочном сне. Сначала — сумасшедшая беготня по квартире, где я пытаюсь впихнуть в рюкзак всё самое нужное: зубную щётку, сменное бельё и запасные нервы. Потом — автобус, самолёт, снова автобус. За окнами мелькают города, равнины, а потом вдруг вздымаются горы — острые, дикие, поросшие лесом по самые макушки.

Я сижу у окна и чувствую, как воздух становится другим. Мы поднимаемся всё выше по серпантину, и где-то внизу остаётся цивилизация: магазины, интернет, кофейни с придурками-хипстерами.

А здесь на вершине — крепость.

Она вырастает из скалы, как хищный зверь, притаившийся за камнем. Серые стены, башни, бойницы. Вокруг — пропасть. Огромная, зияющая, от которой в груди становится пусто и страшно. Единственная дорога — узкая, петляющая, и в конце — ворота, перед которыми стоят какие-то мужики с автоматами.

Серьёзно?

Но я уже подписала договор и ещё миллион разных соглашений о неразглашении.

Но сейчас, когда вокруг тебя вооружённые люди, и ты находишься в крепости на вершине горы, то начинаешь понимать, что юристы явно не на твоей стороне.

Наконец нас собирают в большом зале. Каменные своды, факелы, и — о боже — человек, стоящий перед нами, которого я узнаю с первого взгляда.

Гаровский.

Эмиль Гаровский.

Живая легенда и классик при жизни.

Тот самый режиссёр-гений, чьи фильмы показывают в Каннах, и чьи фильмы получают «Золотые пальмовые ветви». Я смотрела его работы в театральной академии и засыпала с мыслью, что когда-нибудь снимусь у него. А он стоит здесь, в этой крепости, в чёрной водолазке, с седой щетиной и глазами, которые видят тебя насквозь.

— Добро пожаловать, — произносит он низким спокойным голосом. — Я очень рад, что вы согласились на участие в моём новом проекте. Теперь вы все — единая команда. Вы будете создавать новый мир. Для одного человека.

Он делает паузу, обводит всех взглядом. Кто-то за спиной шумно выдыхает. Я сглатываю.

— Все смотрели «Шоу Трумана»? — усмехается он. — Так вот, это примерно то же самое. Только круче, амбициознее и без дурацкого голливудского хэппи-энда. Мы погружаем человека в реальность, где он — не он. Где он думает, что живёт другой жизнью. А вы — актёры, декорации и его судьба. От вас зависит, поверит ли он. Это не просто съёмки, — его голос становится жёстче. — Это жизнь. Игра без права на ошибку. Я выделю самых талантливых. И обязательно возьму в свой большой следующий проект.

И он смотрит прямо на меня! Секунда, две. Внутри всё переворачивается, как будто он знает что-то, будто видит меня уже в какой-то только ему известной роли!

— А сейчас — роли, — объявляет Гаровский и начинает выкрикивать имена, как на аукционе.

— Местный лекарь! — встаёт мужчина в очках. — Палач! — поднимается здоровяк с бычьей шеей. — Кузнец! — прыгает парень с накачанными руками. — Царица Тамара!

Я подсказываю, сердце вспыхивает цветком ожидания. Царица! Моя роль, моя звезда, я знала, что он сразу выделил меня...

Но с места поднимается длинноногая тощая модель. Силиконовые губы, такие же надутые, как у той, с розовой «бэхи». Она грациозно проходит к сцене, забирает толстый сценарий и бросает на меня победный взгляд.

Я сажусь обратно. Щёки горят.

— Девка из курятника! — выкрикивает Гаровский. — Арина Булкина!

Я встаю, чувствуя, как пол под ногами раскачивается. Прохожу к нему, беру тонкую, почти пустую папку. Открываю.

Там две строчки:

«1. Выйти из курятника.

2. Кричать: «Куры разбежались!»

Всё.

— Это всё? — спрашиваю я, едва сдерживая предательские слёзы обиды.

Гаровский смотрит на меня с лёгкой усмешкой:

— Девка из курятника — очень важная роль. Без неё мир рухнет. Иди, учи.

Я возвращаюсь на место, зажимая тонкую бумажку в кулаке. Внутри всё кипит. Я — будущая звезда театра и кино, а меня определяют в курятник. К курам. Которые потом разбегутся.

Но я стискиваю зубы. Это шанс. И я его не упущу.

Следующие два дня — как в машине времени.

Город преображается. Всюду расставляют шалаши, кузницы, колодцы. Пахнет деревом, конским навозом и дымом. Люди в домотканых рубахах бегают с ведрами. Кто-то точит мечи, кто-то развешивает бельё.

Костюмерша, сухая, с вечно недовольным лицом, бросает мне льняную рубаху до пят, какой-то тугой корсет из дерюги, шерстяную юбку и засаленный платок.

— Переодевайся! Давай быстрее! Не копайся! — рывкает она как фриц на плацу.

Я смотрю на кучу вонючего тряпья.

— А трусы где?

Она закатывает глаза, как будто я сморозила глупость.

— Ты чё, дура?! Какие трусы? Их изобрели только в конце девятнадцатого века! Ты сценарий вообще читала? У нас тут средневековье! Будешь ходить в одежде на голое тело, как все нормальные люди!

— Но я же могу простудиться, подцепить заразу, — пишу я, оглядывая горы за окном.

— Простудишься — умрёшь, — отрезает она. — Тогда мы найдём другую девку из курятника. Всё, не задерживай!

Я забираю тряпки и плетусь в угол, чувствуя себя героиней исторического фильма, где реквизит нашли на помойке истории.

Город живёт. Все репетируют, зубрят свои роли, расставляют декорации. Кто-то истерично смеётся, кто-то плачет от страха, кто-то строит из себя важную птицу. Я же, в своём костюме без трусов, сижу на бревне и повторяю заветные две строчки, глядя в небо, где кружат орлы.

«Выйти из курятника. Кричать: «Куры разбежались!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.